

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.8-11

КОСЫГИН

ВОТ ТАКАЯ БАЙДА

ТАЛАНТ-ЛИВЫЙ ДУРАК

СТР.14-17

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№8 (193)
ФЕВРАЛЬ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

ИСТОРИЯ
«ИНСТИТУТКИ»

СТР.20

ДОБАВИТЬ
ТРЕПЕТ
В МУЗЫКУ

СТР.4-7

ТАЛАНТЛИВЫЙ ДУРАК

В феврале 1927 года, руководство СССР решало судьбу удивительного человека. Этот малообразованный, но талантливый оратор хлестко изобличал пороки власти. Не обращая никакого внимания на авторитет Ленина, он в жестком споре с вождем настаивал на необходимости в стране реальных свобод - слова, собраний и организаций.

Геннадий Норд

Человека, которого по праву называли возмутителем спокойствия Кремля, нередко причисляли к «талантливым дуракам». Так в эпоху войн и революций в России именовали представителей народа, выдвинувшихся на руководящие позиции благодаря реальным заслугам перед советской властью, но вместо самых элементарных знаний имевших в головах феноменальную смесь из како-то нахвтанного и где-то услышанного и твердо считавших этот идейный коктейль своими убеждениями.

Вот только их недруги-интеллигенты, придумавшие это определение, не принимали в расчет одну немаловажную деталь. В тех условиях и обстоятельствах, которые существовали в первые два десятилетия XX века в России, появление массы «талантливых дураков» было неизбежным.

Но Мясников резко выделялся на их фоне.

Будущий отчаянный борец за права трудящихся имел с точки зрения советских канонов совершенно непролетарское происхождение.

Его отец владел лавкой в деревне Березовка Чистопольского уезда Казанской губернии и торговал всякой всячиной, нужной землякам. Но Гавриил, или Ганька, как его называли, не захотел идти по родительскому пути и в 13 лет, в 1902 году, окончив в Чистополе низшую ремесленную школу, где ученики получали навыки рабочих профессий, нашел себе применение в городе.

В те же годы он получил первые навыки общения с массами. Ганька, как отмечали его биографы, всегда был по-деревенски немый и неряшлив, да к тому же постоянно простужен и соплив. Что, естественно, не прибавляло ему популярности среди городских сверстников и сверстниц. Но юный Мясников быстро научился, где разговорами, а где напором и кулаками держать на должном уровне свой социальный статус.

Весной 1905 года он перебрался в Пермь, узнав, что там на крупных заводах после начала Русско-японской войны прилично платят, и, надеясь, что его жизнь станет намного лучше. На фоне растущих военных заказов рабочие руки требовались везде. И паренька с навыками принятый учеником слесаря на оружейный завод в Мотовилихе. Из-за той же нужды в рабочих, туда, не особо присматриваясь, принимали и людей, имевших антиправительственный настрой.

«Из ровенького, мирного, ничем не возмущаемого городка,- писал в автобиографии Мясников,- я попадаю в бурный рабочий водоворот. Как губка впитывает воду, так и я жадно вбирал в себя все дотоле не виданное и не слышанное...»

Та правда, что мне вбивали в голову, перестала быть правдой...

Вместе с Мотовилихой киплю и я. Волнуюсь, кричу, спорю, перебегаю от одной группы рабочих к другой, слушаю, учусь, читаю...»

Но в поисках новой правды он бросился из стороны в сторону:

Г. И. Мясников (в центре) на совещании членов Пермского губкома

«Я вступаю в члены партии социалистов-революционеров. Это было в 1905 году в мае месяце. А в сентябре 1905 года я покидаю ряды этой партии и вступаю в члены РСДРП.»

Итогом метаний, участия в митингах и забастовках стало его вступление в группу боевиков, занявшейся экспроприацией оружия. При попытке воспользоваться одним из добытых револьверов против казаков Мясников был схвачен и избит настолько, что его даже не стали арестовывать, считая мертвым. Но ареста избежать всё же не удалось. Его приговорили к двум годам восьми месяцам каторжных работ, но как несовершеннолетнему каторгу заменили ссылкой. Однако в местах отдаленных он не задержался:

«В 1908 году в июне месяце я, одетый во все арестантское, прибываю на место поселения. И, не давая опомниться властям, я на третий день, продав халат, бушлат, боты и брюки арестантские, покупаю лодку и бегу.»

Но пользовался свободой Мясников не слишком умело. Он знал, что многих его товарищей сослали в Тюмень, и отправился именно туда. А добравшись, повел себя, мягко говоря, неразумно. Большевик Ермаков вспоминал о тех событиях 1909 года:

«В ноябре прошли групповые аресты ссыльных. Отчасти виновником их был бежавший из Иркутской губернии Мясников. Он вел себя провокационно - ходил по квартирам ссыльных мотовилихинцев без всякой конспирации, что и послужило причиной арестов.»

Сын одного из арестованных тогда писатель Юрий Трифонов констатировал:

«В тюрьме Мясникова свои же избили до полусмерти, и за дело.»

Сам Ганька об этом обстоятельстве предпочитал не упоминать и сообщал:

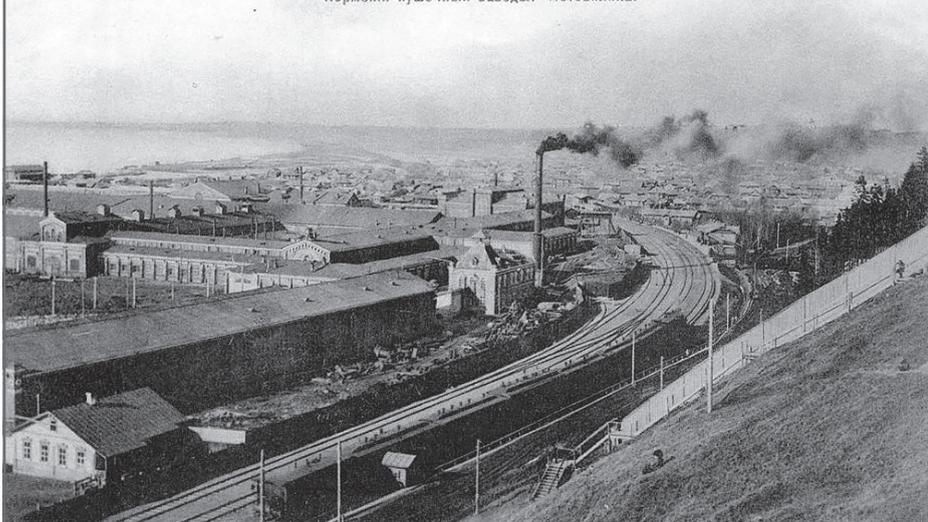
«В 1910 году в Александровской пересыльной тюрьме собирается вся социал-демократическая тюремная фракция и судит меня. Выносят оправдательный приговор.»

Вслед за этим последовали новые побеги и аресты:

«Товарищи устроили мне внеочередную отправку на этап, а по дороге в ссылку я бежал. Но в том же 1910»

Пермские пушечные заводы. Мотовилиха

Пермскія пушечныя заводы. Мотовилиха.

Мотовилихинское пушечное производство

году в декабре месяце на Ленских золотых приисках арестовывают слесаря Нестора Попова. Арестовывают за агитацию и отправляют в город Бодайбо в тюрьму. Это был я. Мне уже 21 год. Установив, что это я, предают меня суду за побег. Не зная ни о моих прежних побегах, ни о моем тюменском деле, до суда освобождают под надзор полиции, а я бегу. Это было в июне 1911 года».

В следующий раз его арестовали в 1913 году в Баку, где он, как говорилось в его автобиографии, вел подпольную работу и жил под очередной чужой личиной, причем, не один:

«С женой - не с женой, а так себе с бабой очкастой».

Бежать из Орловского каторжного централа, по всеобщему признанию отличавшегося суровым режимом, Мясникову не удалось. Об этом этапе его жизни существует несколько версий. По одной, годы, проведенные там, стали для него временем пусть сумбурного и бессистемного, но прилежного самообразования. По другой, обращение с вечным беглецом было настолько безжалостным, что поставило его на грань лишения рассудка. Как бы то ни было, после освобождения в марте 1917 года в нем открылся новый талант. Ему, называвшему себя большевиком, новые власти Орла не дали ни денег на пропитание и проезд домой, ни даже одежды.

«Я на собраниях и митингах с боем брал слово: мне говорить не давали. Но каторжная одежда имела великую силу. Я не пожалел, что меньшевики и эсэры не снабдили меня ничем. Когда мне не давали слова, я появлялся самочинно на трибуне и говорил:

- Товарищи, только сейчас вы сняли с меня кандалы, сняли их с моих ног и мыслей, а мне здесь их надевают вновь: мне не дают говорить. Этого было достаточно».

Страсть к публичным ярким выступлениям жила в нем уже давно. Тот же тюменский ссыльный Ермаков вспоминал, что Мясников и в 1909 году «разводил демагогию». А тут он с успехом выступал перед огромной аудиторией. Еще больших результатов он добился, вернувшись в Пермь, на завод в Мотовилиху.

Напор и неряшливое обаяние делали свое дело и для карьерного роста Мясникова. Точнее, он раз за разом сам себя назначал на все более высокие должности, что вполне соответствовало духу революционного момента. К моменту его возвращения мотовилихинский Совет рабочих и солдатских депутатов был уже избран, действовал, и в состав органа, принимавшего текущие решения, исполкома Совета, он не попал. Но Мясников стал членом совета по направлению исполкома, а в мае 1917 года избрался и в районный совет. И в октябре 1917 года стал его председателем.

Немало помогли ему и личные связи. Его хорошо помнил по 1905 году кадровик большевиков Яков Свердлов. И ЦК РСДРП (б) рекомендовал Мясникова к избранию в члены Учредительного собрания. А после того, как этот орган был разогнан, Мясникова в январе 1918 года на III Всероссийском съезде Советов избрали членом Все-

Великий князь Михаил Романов

российского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), председателем которого был Свердлов. По сути, он теперь был на голову выше большинства губернских руководителей, и появление головокружения от успехов было лишь вопросом времени.

От склонного к оригинальным поступкам Мясникова тщательно скрывали, что в марте 1918 года в Пермь был отправлен в качестве частного лица, но с небольшим штатом прислуги и охраны брат Николая II великий князь Михаил Александрович. Однако сам гражданин Романов ничуть не скрывался и вел вполне светскую в условиях губернского города тяжелую временную жизнь: ездил в «роллс-ройсе», устраивал загородные пикники

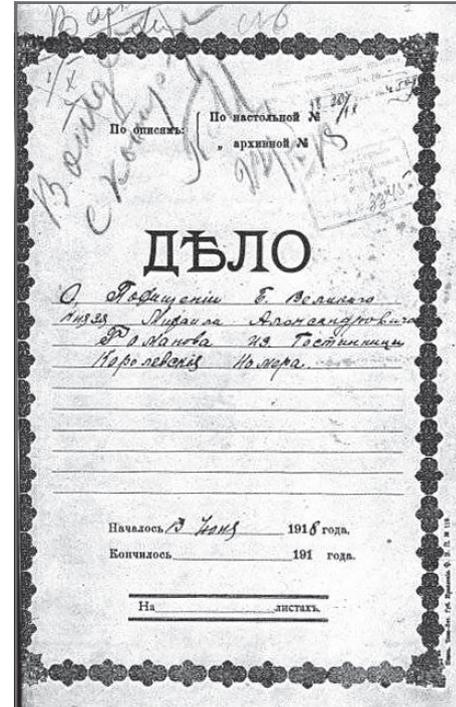
и принимал гостей. Он считал, что, отказавшись от престола после отречения брата, он гарантировал себе безопасность. И любые попытки местных властей как-либо ограничить его в правах пресекались телеграммами из Москвы от Ленина и Свердлова.

Но выяснив все это, Мясников решил, что вожди ошибаются, и ему нужно изменить ход истории, исправив их просчет. Или, что еще более вероятно, они хотят, чтобы кто-то, желательно человек из народа, сделал кровавую работу вместо них.

Он, как и обычно, добился назначения, а точнее, назначил сам себя заместителем председателя губернского ЧК, чтобы подготовить ликвидацию «царя Михаила II».

После убийства Михаила Романова (слева направо) Марков, Колпащиков, Мясников, Иванченко, Жужгов

Обложка дела о похищении великого князя Михаила Александровича Романова из гостиницы «Королевские номера»

Многие годы спустя он написал обширный труд, где рассказывал о своих мыслях в ходе подготовки этой казни и сопутствующих переживаниях. Ведь по его плану нужно было имитировать побег великого князя, после чего все его окружение неизбежно было бы расстреляно за содействие бегству. Именно этот план и был приведен в исполнение. Михаила Александровича и его секретаря в ночь с 12 на 13 июня 1918 года вывезли за город и застрелили, после чего были арестованы и казнены все их мнимые пособники.

Из всех деталей этой операции, описанных Мясниковым и другими участниками убийства, самым примечательным стало не только то, как он приказал губернским чиновникам закрыть глаза и ничего не видеть, но и то, как об этом было доложено руководителям страны. Великий князь все еще числился находившимся в розыске, когда Мясников отправил верного человека с докладом в Москву, поручив сообщить всё только и исключительно одному Свердлову. Посланец, как писал Мясников, возвратившись, рассказывал ему о реакции главы советского государства:

«Впечатление было очень сильное. Он был очень, очень доволен. И тут же созвонился с Лениным и немедленно назначил свидание. И я должен был повторить рассказ в присутствии Ленина и Свердлова. Ленин тоже очень был доволен, что Михаил не убежал, а его убежали. Тут же они решили, что они знают, что он бежал. И пусть так и остается».

После занятия Перми войсками адмирала Колчака, Мясникова весной 1919 года мобилизовали в Красную армию и назначили комиссаром 16-й дивизии. Но прослужил он в войсках

Окончание. Начало на с. 15

недолго. После очередного прорыва противником фронта трибунал приговорил к смертной казни нескольких тыловиков, причем, вопреки существовавшим порядкам, ни их привлечение к ответственности, ни приговор не были согласованы с политическим комиссаром дивизии. Мясников 12 июня 1919 года отправил протест против преследования «стрелочников», а не истинных виновников неудач в Реввоенсовет 8-й армии, который заканчивался так:

«Заявляю, что больше не буду служить не только в качестве политкома, но и вообще в рядах Красной Армии. Заявляя это, прошу немедленно выслать мне заместителя».

Его демарш очень походил на дезертирство, за которое в то время могли казнить. Но член ВЦИК Мясников после этого спокойно и беспрепятственно уехал в Пермь.

Недолго руководивший Пермским губернским комитетом партии видный большевик Ярославский, вернувшись в Москву, настаивал на переводе Мясникова на другую работу, подальше от поддерживавших его рабочих. Но народный трибун не сдавался. Мало того, его избрали председателем Пермского губкома, и он продолжил гнуть свою линию.

В 1920 году его избрали делегатом на IX Всероссийскую партийную конференцию, и там он выступил с предложениями об упрощении руководства коммунистами Урала и ликвидации лишних, как он считал, бюрократических звеньев, на которые затрачивается слишком много средств. Единственное, чего он добился, так это изменения отношения к себе Ленина, который считал его «нездоровым элементом» в партии. Свердлова уже не было в живых, так что защитить Мясникова оказалось некому.

Другие руководители ЦК РКП (б), и без того утомленные безуспешными попытками изгнать Мясникова из Перми, после партконференции окончательно убедились, что с этим возмутителем спокойствия нужно что-то делать. В конце концов, было решено строжайше приказывать Мясникову отправиться на работу в Петроград, где он должен был пройти идейную перекровку под руководством члена Политбюро ЦК, главы Коммунистического интернационала и петроградской партийной организации Зиновьева. Предполагалось, что один из опытейших руководителей партии с легкостью сможет поставить зарвавшегося «талантливого дурака» на место. Но они плохо знали Мясникова.

В освободившееся в ходе этой неудавшейся перекровки время Мясников всерьез задумался о создании оппозиционной организации. Готовил он и докладную записку в ЦК РКП (б), которая, по существу, была программой этого движения.

Его пытались пристроить на работу в различные ведомства в Москве, но он немедленно начал разоблачение замеченных там недостатков. Так что в итоге все сочли за благо отправить его на родной завод замом директора. Он, как и всегда много выступал, и вновь почувствовал поддержку рабочих, подготовил несколько статей с развитием своих идей и критикой существующих порядков.

«Мои статьи напечатаны не были, а переданы Бухариным Ленину. Это было в 1921 году. Ленин разразился письмом, рассчитывая больше не на свою аргументацию, а на свой авторитет».

В своих статьях я требовал свобод: слова, печати, собраний, коалиций, организации партий для пролетариата и крестьянства».

Вместо того чтобы сказать честно и открыто, что никаких свобод ни пролетариату, ни крестьянству он дать не хочет, и объяснить, почему это нельзя дать, он пустился в политиканскую болтовню самого низкого свойства. Вопреки всему, что написано в моих статьях, он подкинул мне мысль, что я хочу свободу слова и печати для буржуазии».

«Пролетарскому Питеру от Красного Урала»

Этот бесчестный прием меня возмутил больше всего. Он показал, что на честную идейную борьбу Ленин не идет».

Ленин в письме от 5 августа 1921 года признавал, что часть критики Мясникова обоснована. Но при этом глава правительства снова попытался использовать недовольство Мясникова, а значит и согласных с ним рабочих в нужном для власти направлении:

«Оживлять Советы, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных - вот это абсолютно верно. Вот где работы тьма. Непочатый угол работы. Почему бы за это не взяться? От неверия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику и ищут легкого выхода: «свобода печати» для буржуазии».

Он написал вождю не слишком вежливое ответное письмо, в котором говорилось:

«Когда дробите скулы мировой буржуазии, это хорошо, но вот беда: Вы замахиваетесь на буржуа, а бьете рабочего больше всего. Кто арестовывается за контрреволюцию теперь везде? Рабочие и крестьяне, это бесспорно».

И точно следуя своей приверженности свободе слова, Мясников опубликовал и свои статьи, и письмо Ленина, и свой ответ ему в брошюре.

Терпение руководителей ЦК, уже давно бывшее на исходе, закончилось.

Комиссия по расследованию деятельности Мясникова, созданная по решению Организационного бюро ЦК еще 29 июля 1921 года, резко ак-

тивизировала свою работу. 18 ноября 1921 года с ее подачи членам Политбюро предложили ознакомиться с брошюрой Мясникова, а его самого отправить на работу в Наркомат внешней торговли. Он в очередной раз отказался, и 1 декабря 1921 года ему уже в приказном порядке предложили начать трудиться в Главном лесном комитете. Но Мясников не сдавался, и после того, как члены Политбюро ознакомились с его письмом к соратнику, где он продолжал настаивать на своей правоте, его 8 декабря 1921 года обвинили во фракционной деятельности, запрещенной партией, и создали для разбора его ошибок комиссию высокого уровня во главе с членом президиума ЦКК Сольцем.

15 февраля 1922 года комиссия завершила свою работу. В ее решении перечислялись все грехи Мясникова и в итоге говорилось:

«Комиссия находит, что т. Мясников явно и неоднократно, нарушая партийную дисциплину, порвал совершенно с партией и использует пребывание в партии лишь для облегчения борьбы с ней и ее решениями, пытается организовать в нарушение постановления Съезда особую в ней группировку».

Вывод был сам собой разумеющимся - исключение из партии. Но Политбюро, утвердив его 22 февраля 1922 года, предоставило Мясникову право через год просить о восстановлении в рядах партии.

Однако он не утихомирился и продолжал организовывать уже не партийные, а рабочие собрания, на которых выступал с разоблачающими захвативших власть бюрократов речами. Так что следующего шага власти долго ждать не пришлось. В марте 1922 года Мясникова арестовали.

Его этапировали в Москву, и 14 апреля 1922 года Политбюро приняло решение о суде над ним.

Но все сложилось иначе. Мясников объявил голодовку, и двенадцать дней спустя его выпустили на свободу. И он просто продолжил свою агитационную работу и подготовку к созданию новой партии.

1 марта 1923 года Политбюро рассмотрело доклад председателя ГПУ Держинского о Мясникове и решило: *«Образовать комиссию в составе товарищей Держинского, Сольца и Томского для расследования продолжающейся деятельности Мясникова».*

25 мая 1923 года его решили выслать из СССР. Однако сделали это довольно странным образом. Его включили в состав советского представительства в Берлине, но при этом не дали никакой реальной работы и должности. Так что он просто снова делал то, что делал раньше, пользуясь поддержкой левого крыла Германской компартии и советских единомышленников, в числе которых были даже ответственные работники, помогавшие доставлять его послания в Москву.

Человѣкъ, который боится сниматься... Тотъ, кого называютъ убійцей великаго князя Михаила Александровича

Увидев перед собой фотографа, Мясниковъ быстро закрылъ лицо руками.

Фотоотчетъ судебного дела «Мясниковъ против Палкина» в Париже, газета «Иллюстрированная Россія», февраль 1931

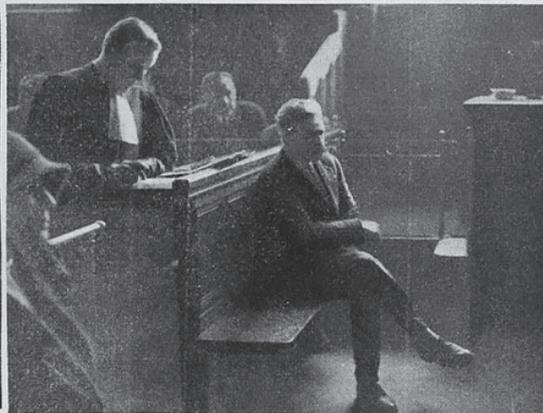
Вспышка магния... Но чистей успѣлъ отвернуться.

Въ Парижѣ проживающій въ настоящее время коммунистъ Мясниковъ, ближайшій соратникъ Сталина, позже перешедшій въ оппозицію. По утверждению Вл. Буричева, онъ является убійцей вел. кн. Михаила Александровича.

Наконецъ, фотографу удалось ловить профиль строптиваго большевика...

Наднякъ Мясниковъ обвинялъ передъ французскимъ судомъ своего бывшаго сообщника чекиста Палкина въ кражѣ документовъ — двенадцать съ описаніемъ разстрѣла великаго князя. Фотографъ «Иллюстрированной Россіи» воспользовался этимъ случаемъ, чтобы запечатлѣть

...послѣ чего Мясниковъ покориася своей участи и спокойно сѣдѣлъ, покада его снимали.

Москва, 1920-е

«Пребывание Мясникова в Германии, - писал Дзержинский Крестинскому, - является нежелательным, вследствие развитой им антипартийной и антисоветской работы»

6 сентября 1923 года Политбюро согласилось с предложением Дзержинского, которое он затем изложил в письме к советскому полпреду в Берлине Крестинскому:

«Прошу Вас по возможности лично вызвать Мясникова к себе и объявить ему об отмене высылки и разрешении ему вернуться в пределы СССР».

Отмена высылки совершена ввиду того, что пребывание Мясникова в Германии является нежелательным, вследствие развитой им антипартийной и антисоветской работы и установлении им контакта с левым крылом Германской компартии. Необходимость непрямого возвращения Мясникова в СССР признана руководящими кругами. Просьба к Вам: принять все меры к тому, чтобы Мясников выехал немедленно обратно в Совроссию. Из беседы с Вами у Мясникова должно сложиться впечатление, будто вопрос о репрессиях против него отпал».

Оппозиционер с радостью вернулся к соратникам, жене и трем сыновьям. А уже 19 ноября 1923 года Дзержинский писал в ЦК:

«Считаю пребывание Мясникова на свободе сугубо опасным. Во-первых, для всех это непонятно и явля-

ется доводом, что ЦК боится его или чувствует свою неправоту в отношении «Рабочей Группы», ибо Мясников абсолютно не изменил своих взглядов и этого не скрывает».

Поэтому я думаю, что Мясников должен быть арестован.

О дальнейшем необходимо решить после его ареста.

Думаю, что надо будет его выслать так, чтобы трудно было ему бежать».

И 22 ноября 1923 года Политбюро дало согласие на арест. Только вместо ссылки Мясников попал в тюрьму, где условия, по его словам, уже тогда были гораздо хуже, чем в царских тюрьмах. Его приговорили к трем годам заключения, а когда срок закончился, возник вопрос, что же делать дальше. Ему собирались дать новый тюремный срок. Но сажать вновь за то же самое старое, пусть и исключенного из партии большевика, да еще и «застрельщика» уничтожения императорской фамилии в то время считалось все же неприличным. И 3 марта 1927 года Политбюро решило:

«1. Ввиду окончания срока освобождения Г.Мясникова из тюрьмы, выслать на три года в Эривань».

2. Выдать Мясникову в качестве единовременного пособия 400 рублей».

3. Впредь выдавать ему пособие на общих основаниях с другими административно высланными».

4. Признать возможным поступление Мясникова на службу в советские учреждения».

Феликс Дзержинский

другой костюм и с портфелем, туго набитым рукописями, сел на извозчика и поехал на вокзал. А около 12 часов ночи поезд проходил между станциями Дорожан-2 и Джульфа, и здесь на ходу я спрыгнул с поезда и бегом к реке, чтобы, пользуясь прикрытием поезда и шумом, невидно и неслышно добраться до реки Аракс. Спешно раздеваясь, привязываю на голову портфель и одежду, и в Аракс. Вода жжет: холодная, ледяная. Шумит Аракс, тучи ходят. Идет небольшой снежок. По руслу дует резкий ветер. Переплыл».

Из Персии он не без труда перебрался в Турцию, но оказалось, что высланный туда Троцкий не хочет иметь с ним никаких политических дел. И никакие европейские страны не дают ему визу. С огромным трудом он в 1930 году добрался до Франции. Но и здесь его ждал холодный прием. Белую эмиграцию чекисты через печать уведомили, что прибыл один из цареубийц.

А политиков Европы не интересовал оппозиционер, оторванный от своих сторонников в СССР.

Он пытался что-то наладить, но получилось всё довольно плохо.

Мясников работал слесарем, писал, пытался вернуться в СССР, уверял советских дипломатов, а через них Сталина, что перестал воевать с властью.

Но всё было тщетно. Во время войны ему пришлось посидеть в немецких и французских концлагерях, откуда он, по обыкновению, бежал.

А после освобождения Франции о нем вспомнили в Москве. Ему обещали, что он увидит свою семью, хотя все три его сына погибли на фронте, что получит в СССР солидную работу.

Но по прибытии его арестовали у трапа самолета, и после допросов, на которых он и не мог рассказать ничего нового, судили и расстреляли.

Можно было бы сказать, что его обманули как дурака. Причем даже не талантливого, а гениального. Но то же определение можно было бы дать и многим другим его соратникам, как и значительноному числу тех, кто с ними воевал в Гражданскую войну. Они все в равной степени не осознали истинность мысли, которую командование русской армии пыталось донести до умов недовольных своим положением нижних чинов в начале 1917 года:

«Требование для России республиканского строя является абсурдом. Россия создана монархией, а республика может ее только разрушить».

И были правы. Опыт доказал, что какой бы строй в России ни пытались построить, коммунистический или буржуазно-демократический, в результате все равно получается привычное самодержавие.

Париж, 1930